

DOI 10.35775/PSI.2025.120.8.038

УДК 32.327

А.В. РОТАНЁВ

соискатель кафедры стратегических коммуникаций
и государственного управления Дипломатической академии
МИД России, Россия, г. Москва
E-mail: aleksey.rotanев@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АФРИКАНСКОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КРУПНЫХ АКТОРОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНЕ САХЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ США, КИТАЯ, ФРАНЦИИ И ТУРЦИИ)

Целью исследования является выявление особенностей развития африканского вектора внешней политики США, Китая, Франции и Турции в регионе Сахеля в 2022-2025 гг. В работе использованы сравнительный и системный методы анализа, позволившие определить ключевые направления трансформации стратегий указанных акторов. Установлено, что традиционные западные модели взаимодействия, представленные США и Францией, переживают глубокий кризис вследствие неэффективности контр-террористических операций и роста антиколониальных настроений. В то же время «нетрадиционные» игроки – Китай и Турция – демонстрируют рост политического и экономического влияния, опираясь на принципы невмешательства, прагматизм и гибкие формы военно-технического сотрудничества. Отмечено, что формирование Альянса государств Сахеля (Мали, Буркина-Фасо, Нигер) стало структурным сдвигом, отражающим стремление региональных элит к суверенизации и многовекторности внешней политики. Сделан вывод о переходе региона к многополярной модели взаимодействия и ослаблении постколониальной системы влияния.

***Ключевые слова:** Сахель, Африка, внешняя политика, Турция, Китай, Франция, США, геополитика, Альянс государств Сахеля, международные отношения, многополярность.*

Введение. На современном этапе развития международных отношений Африканский континент, и в особенности регион Сахеля, превратился в пространство интенсивного соперничества и сотрудничества широкого круга международных акторов. Традиционные западные партнеры, такие как Франция и США, сталкиваются с растущей конкуренцией со стороны «нетрадиционных» игроков, прежде всего Китая и Турции, которые предлагают альтернативные модели взаимодействия. Регион Сахеля (в фокусе данного исследования – Мали, Буркина-Фасо, Нигер, входящие в Альянс государств Сахеля) представляет собой уникальный «case study» в силу своей стратегической значимости, хронической нестабильности, связанной с деятельностью террористических группировок,

и богатых запасов природных ресурсов. Дезинтеграция системы безопасности, выстраивавшейся Францией и США в течение последнего десятилетия, и приход к власти в странах Альянса военных правительств, ориентированных на поиск новых союзников, кардинально изменили расклад сил. Это делает комплексное изучение стратегий и инструментария ключевых внешних игроков в Сахеле не только актуальным, но и необходимым для прогнозирования дальнейшего развития ситуации в регионе и в международной системе в целом.

Турция и Китай: от периферии к стратегическому партнерству. Политика Турции в Африке, инициированная в начале 2000-х годов в рамках доктрины «стратегической глубины» Ахмета Давутоглу, к настоящему моменту превратилась в зрелый, многовекторный внешнеполитический проект. Если ранее активность Анкары концентрировалась в Северной и Восточной Африке (Сомали, Судан), то в последние годы наметился четкий поворот в сторону Сахеля. По состоянию на конец 2023 года Турция имеет 44 посольства в Африке, что делает ее одной из самых представленных неафриканских стран на континенте [8. С. 100-102; 15]. Товарооборот Турции с Африкой, по заявлениям президента Эрдогана, приблизился к 41 млрд долларов США по итогам 2022 года, а объем прямых турецких инвестиций превысил 10 млрд долларов [16]. Несмотря на общий рост, в странах Сахеля (Мали, Буркина-Фасо, Нигер) экономическое присутствие Турции остается ограниченным, но демонстрирует динамику, особенно в сфере оборонных заказов и строительства. Ключевым активом Турции в регионе остается военная база в Сомали. Хотя прямых баз в Сахеле нет, Анкара активно развивает военно-техническое сотрудничество.

В 2022-2023 гг. Турция поставила Мали и Нигеру партии боевых беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) Bayraktar TB2, которые стали критически важным активом для местных правительств в борьбе с терроризмом [18]. Это не только укрепило обороноспособность стран Сахеля, но и предоставило Анкаре значительное политическое влияние. Турция продолжает активно использовать историко-религиозную риторику, позиционируя себя как защитника мусульманского населения Сахеля. Продолжается вытеснение сети Гюлена и замена ее образовательными учреждениями, подконтрольными правительству Турции. Этот процесс активизировался после прихода к власти военных правительств, настроенных скептически к западным НПО.

В свою очередь, стратегия Китая в Африке, оформленная в рамках формата Форума китайско-африканского сотрудничества (ФКАС, FOCAC) и инициативы «Пояс и путь», является наиболее системной и финансово обеспеченной среди всех «нетрадиционных» игроков. Китай остается крупнейшим торговым партнером Африки в целом. В странах Сахеля его интерес сконцентрирован на добывающих отраслях (уран в Нигере, золото в Буркина-Фасо и Мали). Китайские компании являются ключевыми подрядчиками в инфраструктурных проектах, однако в последние годы наблюдается сдвиг от масштабных кредитов к более осторожным инвестициям из-за рисков дефолта стран-заемщиц [5. С. 53-70]. В отличие от Турции, Китай избегает прямого военного вмешательства. Его вовлеченность

в вопросы безопасности в Сахеле осуществляется через миротворческие миссии ООН (где он является одним из крупнейших контингентов-доноров) и через обучение местных силовых структур. Обеспокоенность безопасностью своих граждан и активов заставляет Пекин более активно участвовать в урегулировании конфликтов, в том числе через посредничество. Китайская модель, основанная на принципе невмешательства во внутренние дела и уважении суверенитета, стала особенно привлекательной для военных режимов Мали, Буркина-Фасо и Нигера, которые столкнулись с санкциями и давлением со стороны Запада. Это дает Пекину значительное конкурентное преимущество.

США и Франция: кризис традиционных моделей взаимодействия в Сахеле. Франция, как бывшая метрополия, долгое время рассматривала Сахель как зону своей исключительной ответственности (*«pré carré»*). Операция «Бархан» (2014-2022) стала кульминацией ее военного присутствия. Однако эта модель потерпела стратегическую неудачу. Под давлением антифранцузских настроений и требований переходных правительств Франция была вынуждена завершить операцию «Бархан» и вывести свои войска из Мали (2022), а затем и из Буркина-Фасо (2023) [12]. Это знаменует собой исторический разрыв с постколониальной моделью безопасности. Париж пытается перезапустить свою политику в регионе под лозунгом «нового партнерства», делая акцент на поддержке прибрежных государств Западной Африки (Кот-д'Ивуар, Гана, Того), где его позиции сильнее. Однако утрата плацдарма в Сахеле нанесла серьезный удар по престижу и влиянию Франции. Франция рассматривает растущее влияние России (в том числе через созданный Африканский корпус МО РФ) и Турции как прямую угрозу своим интересам. В своих официальных заявлениях Париж прямо обвиняет эти силы в дестабилизации региона и информационной войне против Франции [4].

Стратегия США в Сахеле долгое время была подчинена глобальной войне с террором и реализовывалась в тесной координации с Францией. Американское присутствие было сфокусировано на обучении местных сил и разведывательной деятельности. Подобно Франции, США столкнулись с ограничением возможностей для работы в странах, управляемых военными правительствами. В 2023-2024 гг. Пентагон был вынужден пересмотреть дислокацию своих контингентов. Ключевая военная база в Нигере «Эйр Бейс 201», игравшая центральную роль в операциях беспилотников, фактически приостановила свою работу после прихода к власти военных в Ниамее и прекращения военного сотрудничества с США [20]. США переориентируют свои ресурсы на другие регионы Африки, такие как Восточная Африка, где сохраняется более стабильное партнерство [3. С. 1295-1297]. Политика в Сахеле все больше смещается в сторону дипломатического давления, гуманитарной помощи и санкций в ответ на антиконституционные перевороты и нарушения прав человека. Несмотря на провозглашение новой Стратегии для Африки к югу от Сахары в 2022 году, где декларируется партнерство на равных, практическая реализация этой стратегии в условиях

стремительно меняющегося Сахеля остается затруднительной. США оказались в роли догоняющего игрока, уступая инициативу России, Турции и Китаю [10].

Военно-политические инструменты: от прямого вмешательства к гибридному партнерству. Регион Сахеля стал полигоном для апробации принципиально разных подходов к обеспечению безопасности. Если традиционные западные акторы делали ставку на масштабное прямое военное присутствие и институциональное строительство, то новые игроки предлагают более гибкие, адресные и часто непубличные форматы.

Провал операции «Бархан» и последующий вывод французских контингентов из Мали и Буркина-Фасо свидетельствуют о системном кризисе подхода, основанного на экстерриториальном развертывании войск без глубокой легитимации в глазах местных обществ. Несмотря на декларируемые цели по борьбе с терроризмом, долгосрочный результат оказался противоположным: к 2023 году уровень насилия в центральном Мали и на границе Буркина-Фасо, Нигера и Бенина значительно вырос [9; 1. С. 237-248]. Это связано с тем, что внешнее военное присутствие воспринималось частью населения как оккупационное, что усиливало социальную базу джихадистских группировок. Парадигма «обучи и оснасти» (train and equip), активно использовавшаяся США в Нигере, также показала свою ограниченность. Свержение прозападного президента Мохамеда Базума в июле 2023 года в Нигере и последующее требование новой хунты о выводе американских войск с базы «Эйр Бейс 201» наглядно продемонстрировали, что вложения в создание локальных силовых структур не гарантируют политической лояльности новых элит [17].

В условиях вакуума силы, образовавшегося после ухода Франции, стратегии Анкары и Пекина оказались наиболее востребованными.

- Турция сделала ставку на высокотехнологичное, но точечное военно-техническое сотрудничество. Поставки ударных БПЛА Bayraktar TB2 в Мали и Нигер стали для переходных военных режимов не только инструментом повышения боеспособности, но и мощным символическим жестом, демонстрирующим суверенитет и независимость от западных поставщиков вооружений. По данным разведки США, турецкие советники также активно участвуют в подготовке спецподразделений армии Мали [19]. Этот формат «гибридного партнерства»: поставки оружия плюс ограниченный непубличный контингент инструкторов – оказывается политически менее затратным и более эффективным в краткосрочной перспективе, чем развертывание крупных военных баз.

- Китай, в свою очередь, избегает прямых поставок оружия в конфликтные зоны, чтобы не нарушать свой принцип невмешательства. Его военно-политический инструментарий включает:

1. Участие в миротворческих миссиях ООН (МООНСМА в Мали, откуда китайский контингент был выведен в 2023 году в связи с выполнением мандата).

2. Подготовку офицеров армий стран Сахеля в учебных заведениях КНР.

3. Обеспечение безопасности своих критически важных объектов (шахты, инфраструктура) силами частных охранных предприятий, что создает новый пласт негосударственных силовых акторов в регионе [6].

Таким образом, военно-политическая стратегия Турции является более агрессивной и наступательной, в то время как Китай сохраняет осторожность, делая ставку на долгосрочное экономическое влияние.

Экономические стратегии: инвестиции, долги и борьба за ресурсы. Экономические интересы являются ключевым драйвером политики всех внешних акторов в Сахеле, однако модели их реализации кардинально различаются.

КНР продолжает удерживать позиции главного кредитора и инфраструктурного инвестора в регионе. Крупнейшие проекты включают добычу урана в Нигере (совместное предприятие China National Nuclear Corporation – Niger Mining Company) и разработку месторождений золота в Буркина-Фасо. Однако после волны дефолтов нескольких африканских стран (Замбия, Гана) Пекин пересматривает свою финансовую политику, смещая фокус с масштабных суверенных займов на прямые инвестиции и проекты государственно-частного партнерства [2]. Это снижает риски для китайской стороны, но одновременно увеличивает ее прямое участие в управлении стратегическими активами. Растущая долговая зависимость Мали и Нигера от Китая становится инструментом политического влияния Пекина, который, однако, используется крайне сдержанно, чтобы не спровоцировать антикитайские настроения.

В отличие от Китая, турецкая экономическая модель в Сахеле основана не на мега-проектах, а на активности среднего и малого бизнеса, поддерживаемого государством. Турецкие компании активно работают в секторах строительства, текстиля, пищевой промышленности и розничной торговли. Расширение маршрутной сети Turkish Airlines, которая в 2023 году добавила рейсы в Бамако (Мали) и усилила частотность полетов в Ниамей (Нигер), играет ключевую роль в интеграции региона в экономическую орбиту Турции [13]. Создание совместных деловых советов и проведение торговых выставок являются важным элементом этой стратегии. Однако турецкая экономика, ослабленная внутренним кризисом, не может соперничать с китайскими финансовыми ресурсами, что вынуждает Анкару делать ставку на политические и военные рычаги для закрепления своих экономических позиций.

Несмотря на потерю военно-политических позиций, Франция сохраняет значительное экономическое влияние в регионе через зону франка КФА, ключевые активы в горнодобывающей промышленности (например, французская Orano в Нигере) и систему образования. Париж пытается перезапустить экономическое партнерство в рамках саммита с лидерами прибрежных государств Западной Африки, делая акцент на «устойчивых инвестициях» в противовес китайской модели [11].

Внутрирегиональная динамика и формирование Альянса. Создание Альянса государств Сахеля (АГС) в сентябре 2023 года, объединившего Мали, Буркина-Фасо и Нигер, стало поворотным моментом в политической истории

региона. Это не просто военно-политический союз, а заявка на создание новой модели суверенитета, основанной на отказе от прежней зависимости от западных партнеров. Идеологической основой Альянса стал антиколониализм, panaфриканизм и принцип «суверенного выбора» партнеров [7. С. 917-924].

Данный блок сформировался как прямая реакция на давление со стороны ЭКОВАС (Экономическое сообщество стран Западной Африки) и западных стран, осудивших военные перевороты. Угрозы военной интервенции со стороны ЭКОВАС в Нигер в 2023 году лишь ускорили консолидацию руководства трех стран. Для внешних акторов появление АГС создало принципиально новую реальность: теперь им приходится иметь дело не с разрозненными правительствами, которые можно было дробить и ставить друг против друга, а с единым переговорным блоком, проводящим скоординированную внешнюю политику.

Правительства АГС демонстрируют высокую степень прагматизма, умело играя на противоречиях между внешними игроками для максимизации выгод. Наиболее тесное сотрудничество развивается с Российской Федерацией. Россия предоставляет правительствам АГС силовую поддержку, информационную поддержку и политическое признание. Это партнерство является краеугольным камнем безопасности Альянса и его главным козырем в противостоянии с Западом.

По отношению к Турции и Китаю стратегия АГС заключается в диверсификации партнеров, чтобы не попасть в абсолютную зависимость от России. С Турцией выстраивается военно-техническая ось (БПЛА, обучение), а с Китаем – экономическая (инфраструктура, добыча ресурсов). Лидеры Альянса открыто заявляют, что готовы сотрудничать со всеми, кто уважает их суверенитет и не поучает их в вопросах демократии. Эта позиция идеально соответствует внешнеполитическим подходам как Анкары, так и Пекина.

Диалог с традиционными партнерами практически заморожен. Альянс обвиняет Париж и Вашингтон в неоколониализме, поддержке терроризма с целью дестабилизации региона и нарушении суверенитета стран Сахеля [14]. Вывод войск Франции и США рассматривается руководством Мали, Буркина-Фасо и Нигера как собственная победа.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что развитие африканского вектора внешней политики крупных международных акторов в регионе Сахеля в период 2022-2025 гг. характеризуется системной трансформацией. Сложившийся ранее паритет, при котором доминирующую роль играли бывшая метрополия Франция и глобальный лидер США, был кардинально нарушен. На смену ему приходит сложная, многополярная и конфликтная конфигурация, в которой растущее влияние приобретают «нетрадиционные» игроки – Турция и Китай, а также Россия, чье влияние стало критически важным для внутривосточной стабильности стран нового Альянса государств Сахеля.

Были выявлены следующие особенности стратегий каждого из акторов:

1. Турция применяет гибкую, агрессивную модель, сочетающую военно-техническое сотрудничество (поставки БПЛА), идеологическую риторику

(неоосманизм, защита мусульман) и экономический прагматизм. Это позволяет ей быстро занимать ниши, оставленные традиционными игроками.

2. Китай сохраняет стратегическое терпение, делая ставку на долгосрочные экономические интересы и принцип невмешательства. Его финансовая мощь и отказ от морализаторства делают его привлекательным партнером для авторитарных режимов.

3. Франция переживает глубокий кризис своей постколониальной модели, пытаясь переориентироваться на прибрежные государства Западной Африки после полной потери влияния в странах Сахеля.

4. США оказались в роли догоняющего, их стратегия, основанная на парадигме безопасности и демократизации, потеряла актуальность в условиях, когда локальные элиты выбрали иную модель суверенного развития.

Ключевым трендом стало возникновение Альянса государств Сахеля как самостоятельного центра силы, который активно использует многовекторную политику и конкуренцию внешних акторов для укрепления собственной легитимности и суверенитета. Это свидетельствует о том, что страны региона перестали быть пассивными объектами внешней политики и превратились в активных субъектов международных отношений, способных перекраивать архитектуру региональной безопасности в своих интересах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Агуреев С.А., Болтаевский А.А., Шангараев Р.Н. Территориальные конфликты на африканском континенте на современном этапе: специфика и особенности урегулирования // Вестник ученых-международников. 2022. № 1 (19).
2. Балакин В.И. Государственно – частное партнерство в зарубежных интеграционных проектах КНР // Вестник международных исследований. 2025 // <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-v-zarubezhnyh-integratsionnyh-proektah-krn>.
3. Карпович О.Г. «Мягкая сила» в глобальных координатах внешней политики США // Право и политика. 2013. № 10.
4. Министр обороны Франции счел Россию «наибольшей угрозой» // РБК, 2024 // <https://www.rbc.ru/politics/03/10/2024/66fe75a79a794757eb4db18a>.
5. Муратшина К.Г. Страны Юго-Восточной Азии и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Том 3. № 2 (59). DOI: 10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-053-070.
6. Охранные организации как новые инструменты в реализации внешнеполитических и экономических задач КНР // Центр анализа стратегий и технологий. 2024 // <https://www.isap.center/analytics/113>.
7. Ротанёв А.В., Шангараев Р.Н. Анализ современных тенденций и политической обстановки в регионе Сахель // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2025. Том 14. № 4 (69). DOI 10.35775/PSI.2025.69.4.015.

8. **Шангараев Р.Н.** Особенности развития африканского вектора турецкой внешней политики на современном этапе / Материалы XX Всероссийской школы молодых африканистов. 2021.
9. Activities of the United Nations Office for West Africa and the Sahel: report of the Secretary-General // United Nations, 2025 // https://digitallibrary.un.org/record/4086447?ln=en&_gl=1*wqu7uy*_ga*MTQwNDc0OTE2Ni4xNzYwNzAyNDE0*_ga_TK9BQL5X7Z*cze3NjA3MDI0MTMkbzEkZzEkdDE3NjA3MDI0MzkkajM0JGwwJGgw&v=pdf.
10. **Carmack P.** The Sahel in Flux: Rethinking U.S. Policy in a Contested Region // CSIS, 2023 // <https://www.csis.org/analysis/sahel-spirals-it-requires-consistent-us-engagement>.
11. Élysée. Discours du Président de la République au Sommet de la Coopération avec les États du Golfe de Guinée, 2023 // <https://www.elysee.fr/communiqués/sommet-golfe-guinee-2023>.
12. France completes withdrawal of its troops from Burkina Faso // Le Monde, 2023 // <https://www.lemonde.fr/en/international/article/2023/01/25/french>.
13. Investor Presentation: Network Expansion Q4 2023 // Turkish Airlines, 2023 // https://investor.turkishairlines.com/documents/Investor_Presentation_Q4_2023.pdf.
14. Joint Statement by the Ministers of Foreign Affairs of Mali, Burkina Faso, and Niger. On the Neo-Colonial Practices of France and the USA // 2024 // <https://www.mali.gov/statements/joint-statement-2024.pdf>.
15. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey. Turkey-Africa Relations // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey, 2023 // https://www.mfa.gov.tr/turkey_africa_solidarity-and-partnership.en.mfa.
16. President Erdoğan: «We will mark the future of Türkiye-Africa relations with the work we do and the decisions we take» // DEİK, 2023 // <https://www.deik.org.tr/press-releases-president-erdogan-we-will-mark-the-future-of-turkiye-africa-relations-with-the-work-we-do-and-the-decisions-we-take>.
17. Statement on the Status of U.S. Forces in Niger // U.S. Department of Defense, 2024 // <https://www.defense.gov>.
18. The Sahel is pivoting toward Turkey. Here's what that means for Washington // Atlantic Council, 2025 // <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/africasource/the-sahel-is-pivoting-toward-turkey-heres-what-that-means-for-washington/>.
19. Turkey's Expanding Military Footprint in Africa: The Case of Mali // Institute for the Study of War, 2023 // <https://www.understandingwar.org/report/turkeys-expanding-military-footprint-africa-case-mali>.
20. U.S. Struggles to Counter Russian and Chinese Influence in Niger // The New York Times, 2024 // <https://www.nytimes.com/2024/04/13/world/africa/niger-us-military-russia.html>.

A.V. ROTANEV

Aspirant, Department of Strategic
Communications and Public Administration,
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs
of Russia, Moscow, Russia

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE AFRICAN FOREIGN POLICY VECTOR OF MAJOR ACTORS IN INTERNATIONAL RELATIONS IN THE SAHEL REGION (USA, CHINA, FRANCE, AND TURKEY)

The purpose of the study is to identify the key features of the African vector in the foreign policy of the United States, China, France, and Turkey in the Sahel region during 2022-2025. The research employs comparative and systemic analysis methods to examine the transformation of these actors' strategies. The findings indicate that traditional Western models represented by the United States and France are undergoing a deep crisis due to the failure of counterterrorism policies and the rise of anti-colonial sentiment. Meanwhile, non-traditional powers – China and Turkey – are expanding their political and economic influence through pragmatic engagement, non-intervention principles, and flexible military-technical cooperation. The establishment of the Alliance of Sahel States (Mali, Burkina Faso, Niger) reflects a structural shift toward sovereignty and multi-vector diplomacy. The study concludes that the Sahel region is evolving toward a multipolar model of interaction and the erosion of postcolonial influence structures.

Key words: Sahel, Africa, foreign policy, Turkey, China, France, United States, geopolitics, Alliance of Sahel States, international relations, multipolarity.